

Edw. Hallett Carr. Dostoevsky (1821-1881). A new biography. George Allen & Unwin, London.

Тогда какъ русскіе историки литературы и даже тѣ изъ нихъ, кто специально занимался Достоевскимъ, все еще не рѣшаются взяться за написаніе біографіи великаго русскаго писателя, иностранцамъ принадлежитъ уже нѣсколько попытокъ этого рода. Единственная біографія Достоевскаго (если не считать классической біографіи О Миллера и Н. Страхова, вышедшей черезъ три года послѣ смерти Д.), составленная русскимъ (А. Левенсономъ), написана и опубликована по французски. Новое жизнеописаніе Д., принадлежащее на этотъ разъ англичанину, отличается отъ всѣхъ предыдущихъ біографій Д. тѣмъ, что въ немъ впервые учтены всѣ тѣ новые обширные рукописные матеріалы, которые были опубликованы въ Россіи и за границей въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. А отъ книги Левенсона трудъ Карра отличается тѣмъ, что онъ представляетъ собою научное изслѣдованіе, хотя изложеніе его и выдаетъ сильное вліяніе новой школы художественной біографіи, въ стилѣ которой написана книга Левенсона. Авторъ стоитъ вполне на высотѣ поставленной имъ себѣ трудной задачи. Онъ свободно владѣетъ всѣмъ обширнымъ матеріаломъ не только личной біографіи Д., но и современной ему эпохи. Въ истолкованіи отдѣльныхъ деталей въ жизни Д. онъ обнаруживаетъ рѣдкое чутье, особенно удивительное для иностранца. Превосходно, напр., показываетъ онъ, что, женившись на Аннѣ Григорьевнѣ, Д. бѣжалъ за границу не столько отъ своихъ кредиторовъ, сколько отъ своихъ родственниковъ, и выясняетъ роль въ этомъ бѣгствѣ его молодой жены. Столь же силенъ авторъ и какъ повѣствователь. Бурная жизнь Достоевскаго съ ея фантастическимъ чередованіемъ влечетъ и паденій, величайшихъ успѣховъ и самой невозможной нужды, выступаетъ въ его изложеніи съ пластичностью, достигаемой только подлиннымъ художникомъ. Особенно удался автору женскіе образы, встрѣчающіеся на жизненномъ пути Достоевскаго: несчастная Марія Дмитріевна, демоническая Полина Суелова, блестящая А. Корниѣ-Круковская, грѣшная Марта Браунъ и, наконецъ, низкая и хозяйственная, совсемъ исчезающая въ тѣни своего неликаго мужа и выдѣляющаяся тѣмъ его себѣ подчиняющая, жертвенная и выдѣляющаяся тѣмъ, столь земная Анна Григорьевна. Очень убѣдительно сопоставлены А. Круковской съ Аглаей и Мартой Браунъ съ Настасьей Филипповной, и столь же умѣстно было бы также отсутствующее у автора, хотя уже и высказывавшееся ранѣе, сопоставленіе Маріи Дмитріевны съ Катериной Ивановной. Впрочемъ біографическая часть книги Карра вызываетъ лишь немного возраженій. Къ упущеніямъ относится, на нашъ взглядъ, недооцѣнка авторомъ роли Н. Сѣвнина въ жизни Достоевскаго, несомнѣнно послужившаго ему эмпирическимъ прототипомъ для образа Ставрогина, а также совершенное неуоминаніе Софьи Ивановой, любимой племянницы Достоевскаго, которой посвящено первое изданіе «Идиота» и которая занимаетъ такое большое мѣсто въ перепискѣ Д. Врядъ ли умѣстна также характеристика Грѣ

ловского как «rather ridiculous idealist», особенно странная из-под пера автора, который в своей критике взглядов Д. на роль и судьбу русской интеллигенции сочувственно ссылается на мифыя П. П. Миллюкова по этому вопросу. Впрочем даже строгий критик найдеть только немного подобиях оппозиностей в книгу Карра.

Гораздо больше возражений вызывает историко-литературное и философское истолкование творений Д., искусно введенное автором в его жизнеописание. С этой стороны заслуга автора бесспорна. Превосходна, напр., характеристика «Идиота» и выраженного в нем христианского (точнее ранне-христианского) идеала в понимании Д. Очень убедительно прослеживает автор влияние на Д. Новалиса и Гофмана, а также английского и французского романтизма. Превосходно разоблачает всю безосновательность и пустоту выдумок психоанализников о Достоевском, Каррр показывает в своем изложении психологии Д., в какой большой степени превосхитил он результаты психо-аналитической школы. Менее убедительна попытка автора доказать влияние на психологию Д. Гегелевской философии. Он не выходит здесь за пределы традиционного понимания Гегелевской эстетики. Невероятно понимание им образа Ивана Карамазова, как воплощения зла. Вся сложная проблематика благодатного добра, составляющая тему «Братьев Карамазовых», осталась непонятой автором. Самиком уже категорично утверждение автора, что вѣра Достоевского из Бога и бессмертье есть надуманная вѣра, даже прагматическая, позади которой гѣть подлинного религиозного опыта. Непонятными остались автором также и мотивы, заставлявшие Д. искать религиозного обоснования нравственности. Между тем как раз эти вопросы достаточно уже освѣщены в русской и немецкой философской литературе о Д., которую автор и недооценивает и пошлительно недостаточно знает. В связи с этим недостатком книги стоит и попытка автора отдѣлить этическую проблематику Д. от его религиозных воззрений. Тогда как этическая проблематика Д. и его психология, думает Каррр, до сих пор сохранили свое значение, его религиозные воззрения уже «устарѣли» и мало кого могут привлечь в настоящее время. Для того, кто вообще отрицает какую бы то ни было теологию (а ксати и философию), как это дѣлает большинство из книг Карра предположе ки. Святомык-Мирский, спобным которого является наконец свое убеждение в старинном, утверждение это вполнѣ пошлито. Оно мало вяжется однако со взглядом самого автора, только отбрасывающего ряд философских и религиозных воззрений Достоевского. Смыком завѣрить автора, что и сейчас еще является достаточно вполнѣ «современными» русскими и иностранными богословами и философами, коих привлекают в Д. не только его психология и его этически проблематика, но и религиозно-философские взгляды, в которых послѣдняя получает свое разрешение.